

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПОЛЕ ДИАЛОГА

*Работа представлена кафедрой социальной философии
Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор В. А. Щуров*

Статья посвящена социокультурному феномену диалога. Рассматривается структура поля диалогического взаимодействия и условия его конституирования.

Ключевые слова: *диалог, alter ego, конституирование, интенциональность, толерантность, нормативный релятивизм.*

T. Birina

SOCIOCULTURAL FIELD OF DIALOGUE

The paper is devoted to the sociocultural phenomenon of dialogue. The author considers the structure of the field of dialogue interaction and the conditions of its constructing.

Key words: *dialogue, alter ego, constructing, intentionality, tolerance, normative relativism.*

Диалог – широко распространенное понятие во многих философских системах, которое используется в качестве ключевого момента для решения проблем взаимоотношения между индивидами, группами, различными культурами. Но, с другой стороны, многие авторы отмечают и негативные стороны тако-

го широкого употребления слова: «С 1975 г. идея “диалога”, точнее, термина “диалог” стала модным словом, некоей безразмерной шапкой для самых различных явлений, ситуаций, “обобщений”» [5, с. 55]. То есть звучат слова о необходимости диалога, но мало размышляют о практических способах осу-

ществления диалога между противоположными сторонами.

Таким образом, потребность оптимального раскрытия и понимания смысла, конкретных возможностей диалога, сфер, границ, «способов» его реального действия и осуществления носит необходимый характер.

Общение, диалог всегда происходит в пространстве – «между». Общение изначально присуще человеку и выступает как свойство социальности. Неотъемлемый элемент общения – знак. М. Бахтин подчеркивал, что «знак может возникнуть лишь на *межиндивидуальной территории*, причем эта территория “не природная” в непосредственном смысле этого слова... Необходимо, чтобы два индивида были социально организованы» [3, с. 292, 293]. Как отмечает Э. В. Сайко: наличие знака и пространства «между» предполагают диалогичность сознания в общении, однако это еще не означает (что очень важно понимать) диалога индивидов. В диалоге (как типе общения, при котором создается знак) такая межиндивидуальная территория («между») приобретает особый смысл и содержание, поскольку предполагает индивидуальную представленность и субъективированное действие субъектов, обладающих соответствующим уровнем самосознания и самоопределения, способных видеть другое «Я», фиксировать, разворачивать и разрешать противоречия между своим «Я» и «Я» другого [10, с. 18]. Диалог предполагает самоопределение индивида, возможность и необходимость определения и осмысления позиции другого «Я», возможность и готовность доказательства своей позиции и т. д.

Условием для возникновения общности духовного смыслового пространства является совместная духовная работа «Я» и «Другого», в ходе которой оба участника диалога признают Другого как ты. Понимание же Другого как «ты» возможно лишь тогда, когда мы признаем в качестве предпосылки единство «ты» и «я». Как «я» может свои выйти за границы? Франк следующим образом пытается решить данное затруднение. Он обращается к онтологии коинциденции Николая Кузанского, где не-

посредственное самобытие совпадает с абсолютным бытием и в то же время не совпадает с ним; иначе говоря, они и не различны, и не тождественны.

Как отмечает С. Л. Франк, способ преодоления моей ограниченности заключен в интенциональности познания. Но и «при внешне успешной деятельности я остаюсь замкнутым в моих собственных границах, ибо действительность вне меня есть лишь внешний посредник моих действий; сам для себя я не нахожу истинной почвы в другом» [13, с. 63]. Получается, что противоречие между моей направленностью вовне и фактической закрытостью для всего другого не может быть решено.

И только в любви, по мнению С. Л. Франка, двое (или многие) могут в самом деле быть одним, не теряя при этом каждый своей собственной самости. Но единство в любви не исчерпывается поверхностно понятым эмоциональным согласием сердец, но совершается в последней действительности бытия, которое именно здесь оказывается доступным лишь «ученому незнанию», т. е. умудренному над-рациональному созерцанию [13, с. 65, 66].

С. Л. Франк отмечает, что единство бытия в любви как общении самостоятельных реальностей, каждая из которых уникальна в своем способе бытия, всегда находится под угрозой распада, так как такое единство все равно включает в себя момент чуждости.

Следует признать, что по своему внутреннему строю духовная общность является хрупкой и тонкой организацией еще и по одной причине. На этот факт указывает Н. Т. Абрамова: «Будучи порождением такого акта “здесь” и “теперь”, духовная общность приобретает индивидуальные, “поштучные” черты. Поэтому каждый новый случай (иная пара, иные поколения и т. п.) сталкивается с необходимостью поиска своего собственного пути к духовной общности» [2, с. 14]. Конечно, ведь диалог ученых имеет свои особенности в отличие от диалога политиков или простых обывателей. Эти особенности связаны, в частности, с различием познавательных и эстетических норм дея-

тельности и т. п., которые определяют их позиции в качестве субъектов диалога.

Личности, состоящие в отношении Я-Ты, находятся в особом пространстве. В отношении Я-Ты не существует физического времени, так же не существует и материального пространства – отношение перемещается из материального в эмоциональное пространство. М. Бубер пишет: «Мир Оно находится в контексте пространства, времени и причинности. Мир Ты – вне контекста пространства, времени и причинности». И далее: «Существо мыслит другое как другое, как именно это, определенное, иное существо, чтобы соединится с ним в сфере, простирающейся за пределы их собственных сфер. Эту сферу я называю сферой Между». «Настоящий диалог – вот пример истинного “Между”, суть которого реализуется не в том или другом участнике и не в том реальном мире, в котором те пребывают наряду с вещами, но в самом буквальном смысле – между ними обоими, как в некоем доступном им измерении» [6, с. 230, 231].

Тот факт, что в пространстве диалога не существует физического времени, показывает М. Бахтин, обращаясь к творчеству Ф. М. Достоевского. Бахтин отмечает стремление Ф. М. Достоевского видеть все как сосуществующее, воспринимать и показывать все рядом и одновременно, как бы в пространстве, а не во времени. Внутренние противоречия и внутренние этапы развития одного человека Ф. М. Достоевский драматизирует в пространстве, заставляя героев беседовать со своим двойником, с чертом, со своим alter ego, со своей карикатурой (Иван и черт, Иван и Смердяков, Раскольников и Свидригайлов и т. п.) [4]. Обычное у Ф. М. Достоевского явление парных героев объясняется этой же его особенностью. То есть Ф. М. Достоевский, сосредоточивая в одном месте и в одно время, часто вопреки прагматическому правдоподобию, как можно больше лиц и как можно больше тем, вводит своих героев в единое пространство диалога, в котором вскрываются противоречия и происходит попытка их примирения.

Другой неотъемлемой составляющей пространства диалога является происходя-

щее взаимное обогащение участников диалога.

Субъекты вступают в диалог, будучи носителями определенных ценностей, целей и уникального мировоззрения. И в первую очередь, оказываясь в пространстве диалога, они начинают защищать свои ценности. Но в то же время, видя, как один из участников диалога отстаивает свою позицию, другой участник осознает необходимость мотивирующего объяснения и своей позиции.

В процессе диалога индивид начинает пользоваться системой доказательств, подыскивая новые средства для продуктивного участия в нем, и увеличивает поле своего доказательного интеллекта. Диалог обеспечивает основу самоутверждения субъекта, оказывая воздействие каждого не только на другого, но и на изменение себя. В пространстве диалога изменение личности может идти по разным путям: иногда происходит принятие одним субъектом ценностей другого в качестве необходимого в соответствующей ситуации момента его (т. е. диалога) реализации, но при сохранении своего внутреннего аксиологического базиса в одних случаях или, напротив, в сложной ситуации перекрещивания мнений реально и жестко утверждается позиция одного из субъектов – в других. Процесс, когда происходит осознанное растождествление субъекта с теми аксиологическими позициями, носителем которых он является, и происходит изменение его позиции, – это особый процесс, особое пространство и реальное *действие-движение* диалога [10, с. 16]. Решение противоречий диалога изменяет позиции субъектов. Субъект воспроизводится на новом уровне. Участвуя в диалоге, субъект «растет» и, поднимаясь на новую ступеньку, «поднимает» и сам диалог. И поэтому пространство диалога включает в себя не только процесс действия субъектов, но и процесс действия и изменения всего диалога в целом.

Развитие диалога в отличие от простого общения – это условие углубления индивидуальной позиции субъекта при его индивидуализации и социализации одновременно, которые определяют социальный смысл диа-

лога и тенденцию к формированию личностной позиции в нем. «Личностью в специфическом смысле этого слова является человек, у которого есть свои позиции, свое ярко выраженное сознательное отношение к жизни, мировоззрение, к которому он пришел в итоге большой сознательной работы» [9, с. 44].

Таким образом, пространство диалога наполняется постоянным обсуждением ценностей другого, воспроизводством ситуации поиска истины и углублением взаимопонимания при личностном росте каждого участника.

Теперь вполне естественно, что мы пришли к следующей характеристике пространства диалога – открытость каждого участника диалога. Конечно, невозможно говорить о взаимном обогащении участников диалога, если, вступая в пространство диалога, индивиды не могут раскрыться друг другу.

Данный факт не означает, что для успешного осуществления диалога личность должна открыть целиком свое Я. Следует отметить, что внутренний мир личности мы можем условно поделить на две области: первая представляет собой замкнутый мир «Я», куда нет доступа «другому»; вторая – периферийная – часть внутреннего мира личности предполагает наличие взаимодействия с «другим». Условно первую область можно назвать «персональной» сущностью личности, вторую – «социальной». У каждого человека условная граница между персональной и социальной сущностью индивидуальна и зависит от целого ряда факторов (пол, возраст, воспитание, социальное окружение, различные профессиональные и социально-культурные аспекты становления личности), становясь шире или уже [8]. Для нас же существенно то, что личность, вступая в диалог, открывает, изменяет и обогащает только часть своего внутреннего пространства.

Немного парадоксально, но состояние одиночества также необходимо для успешного осуществления диалога. Одиночество способствует самоидентификации личности и определения ею границ собственного внутреннего, закрытого для «другого» мира. Если такие границы не будут найдены, «Я» может размыть границы социального и индивиду-

ального в себе, т. е. потерять свою внутреннюю самость. Для того чтобы быть самим собой, личности требуется отгородиться немного от мира и людей и сформировать четкое отношение к самому себе. Такая персонификация дает возможность безболезненной коммуникации с окружающими людьми при сохранении своего внутреннего «Я» в неприкосновенности.

Таким образом, наряду с открытостью для диалогических отношений необходима дистанция. В книге «Communication. Ethics. Literacy» [1, p. 124] приводится следующее сравнение: если некто держит предмет слишком близко к своим глазам, то детали этого предмета размываются. И только, расположив предмет на расстоянии, можно увидеть его отчетливо. То же самое относится и к взаимоотношениям между людьми. «Distance is necessary if we are to honor what we meet; otherwise, we attempt to turn the Other into ourselves... This point is important, for in our culture we too often misuse interpersonal skills to decrease distance between persons». (Дистанция необходима, если мы должны уважать того, кто находится перед нами; в противном случае мы попытаемся превратить Другого в нас самих... Это важное замечание, так как в нашей культуре мы часто неправильно используем навыки межличностного взаимодействия для уменьшения дистанции между окружающими нас людьми.)

В пространстве диалога происходят противоположные движения: движения от моих чувств, переживаний, мыслей к мыслям, чувствам, переживаниям Другого и обратно в глубины моей внутренней жизни. Х. Ортега-и-Гассет пишет о четырех «шагах», которые делают люди, вступая в «поток жизни» [11, с. 80]:

Во-первых, осознаем себя, свою жизнь в ее радикальной обособленности...

Во-вторых, Я открываю «тебя», «Другого», вступаю в контакт с ближним... Преодолеть чуждость Другого, вступив с ним в контакт, – наша вторая обязанность.

В-третьих, я должен принять жизнь Другого, как *мою* проблему, разрешимую только исходя из *моих* внутренних возможностей и

обстоятельств. Другой – не вещь, не объективный феномен, но и не «я». Я с ним борюсь, подчиняюсь ему, властвую над ним. Жизнь – непрерывный диалог с Другими, придать смысл и форму этому диалогу – третья обязанность.

В-четвертых, я должен достигнуть живого соучастия с Другим. Это – путь Любви, Дружбы, совместного творчества, но также и ненависти, ревности, которые иногда возникают между близкими людьми. Полное единение с Другим невозможно. Но и отказ от соучастия равносителен духовной смерти.

В четырех «шагах» Ортеги оказываются ярко выраженными характеристики пространства диалога: открытость по отношению к Другому, необходимость некой дистанции между мной и Другим, взаимное обогащение участников диалога.

Если подытожить, каждый человек есть замкнутый мир, монада, существующая среди других таких же монад. Человек не может ни полностью замкнуться в себе, ни полностью раствориться в других. Колебания между двумя этими крайностями, пребывание в борьбе и душевном сближении – в этом проявляется особенность бытия человека. И от самого человека зависит, как он преодолет эти крайности. Он может осознать их, принять как данность и тогда будет выстраивать свои отношения в пространстве диалога, где Другой не будет чужим или врагом.

Так как пространство диалога – пространство не материальное, то достаточно трудно определить его границы. Основываясь на описанных выше характеристиках пространства диалога, можно прийти к выводу, что это пространство ограничено общими смысловыми рамками. И действительно, там, где отсутствует понимание между индивидами, отсутствуют общие смысловые связи, невозможен и диалог.

Но попытка понять и принять любую позицию может привести к негативным последствиям. Так, крайностью толерантности может стать спасительная терпимость буквально ко всему. Именно поэтому В. Г. Федотова отмечает, что употребление толерантности должно иметь определенные границы.

«Предельная толерантность может быть проявлена как в отношении жизни человека (но не в отношении любого образа его жизни), так и в отношении суверенитета государства (но не его способности использовать суверенитет во зло другим). В научном познании толерантность ограничена направленностью на поиск истины, а не на признание любого высказывания» [12, с. 78].

Также следует обратить внимание и на другую крайность, скрывающуюся под понятием «нормативный релятивизм». Эта позиция признает, что мы оцениваем и судим (и должны это делать), но всегда в соответствии с нашими базовыми системами понятий и ценностей. Основной представитель этой концепции Ричард Рорти, которому принадлежит формула «откровенный этноцентризм». В этой связи, как отмечает Кеглер в статье «Этика после постмодернизма» [7, с. 114], возникают следующие проблемы:

- существует релятивизм ценностей, который в конечном счете логически ликвидирует разницу между «их» ценностями и «нашими» ценностями. «Их» ценности практически перестают существовать, так как становятся конструкциями, рассматриваемыми с нашей точки зрения;
- с этой позиции других судят и оценивают без серьезной попытки понять их «на их собственных условиях» или увидеть себя глазами другого;
- не исследуются и не опробуются интерпретативные возможности смены точки зрения и радикального интерпретативного диалога.

Искажение чужих ценностей под влиянием своих и последующее взаимодействие не является условием для создания полноценного диалога, наоборот, нормативный релятивизм приводит к монологу.

Подытожим. Диалогические отношения возможны между различными точками зрения, но не между противоположными полюсами (невозможен диалог мирных граждан и террористов, колдуна и ученого). Причем следует остерегаться избыточной толерантности и релятивизма. И тут возникает еще одна проблема. Как в конкретном случае оп-

ределить, возможен ли диалог между мной и этим Другим или нет? Возникает опасность злоупотребления знанием того, что не со всеми индивидами или группами необходи-

мо вступать в диалог. И личность не станет вступать в диалог только из-за того, что не захочет менять свои взгляды, убеждения и намерения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Communication. Ethics. Literacy. Dialogue and difference. / Ronald C. Arnett, Janie M. Harden Fritz, Leeanne M. Bell, Sage, 2009.
2. *Абрамова Н. Т.* «Я» и «Другой» (внешнее и внутреннее): многообразие форм связей // Философские исследования. 2004. № 3.
3. *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next, 1994.
5. *Библер В. С.* От наукоучения к логике культур. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.
6. *Бубер М.* Я и Ты // Два образа веры. М., 1995. С. 16–92.
7. *Кеглер Г. Г.* Этика после постмодернизма // Вопросы философии. 2006. № 3.
8. *Матеев Д. А.* Типология одиночества // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 1. С. 70–74.
9. *Рубинштейн С. М.* Основы общей психологии: в 2 т. М., 1989.
10. *Сайко Э. В.* Проблемное поле диалога как феномена социального мира // Цивилизации. 2006. № 7. С. 9–38.
11. *Соколов Э. В.* Ортега-и-Гассет. Век элитного искусства и массового общества // Человек. 2002. № 6.
12. *Федотова В. Г.* Коммуникация и диалог в науке и за ее пределами // Общественные науки и современность. 2004. № 5.
13. *Элен П.* Философия «мы» у С. Л. Франка // Вопросы философии. 2000. № 1.

REFERENCES

1. Communication. Ethics. Literacy. Dialogue and difference. / Ronald C. Arnett, Janie M. Harden Fritz, Leeanne M. Bell, Sage, 2009.
2. *Abramova N. T.* «Ya» i «Drugoy» (vneshneye i vnutrenneye): mnogoobraziye form svyazey // Filosofskiye issledovaniya. 2004. N 3.
3. *Bakhtin M.* Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979. 424 s.
4. *Bakhtin M. M.* Problemy tvorchestva Dostoyevskogo. Kiyev: Next, 1994.
5. *Bibler B. S.* Ot naukoucheniya k logike kul'tur. Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervy vek. M., 1991.
6. *Buber M.* Ya i Ty // Dva obraza very. M., 1995. S. 16–92.
7. *Kegler G. G.* Etika posle postmodernizma // Voprosy filosofii. 2006. N 3.
8. *Mateyev D. A.* Tipologiya odinochestva // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2008. N 1. S. 70–74.
9. *Rubinshteyn S. M.* Osnovy obshchey psikhologii: v 2 t. M., 1989.
10. *Sayko E. V.* Problemnoye pole dialoga kak fenomena sotsial'nogo mira // Tsvivilizatsii. 2006. N 7. S. 9–38.
11. *Sokolov E. V.* Ortega-i-Gasset. Vek elitnogo iskusstva i massovogo obshchestva // Chelovek. 2002. N 6.
12. *Fedotova V. G.* Kommunikatsiya i dialog v nauke i za eyo predelami // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2004. N 5.
13. *Elen P.* Filosofiya «my» u S. L. Franka // Voprosy filosofii. 2000. N 1.